

Первая атака на Ирбенский пролив

Борис Ильвов

Эскадренные миноносцы «Финн» и «Новик». Художник Алексей Ганзен

Петр Львович Трухачев

Во время Первой мировой войны германский военно-морской флот на Балтийском море имел подавляющее количественное и качественное превосходство перед российским. Тем не менее в отдельных сражениях российский флот добивался успешного для себя результата, заставляя отступать сильнейшие германские соединения. Примером таких действий является оборона Ирбенского пролива в конце июля 1915 г. минной дивизией Балтийского флота под командованием капитана 1-го ранга Петра Львовича Трухачева.

Петр Львович Трухачев родился 10.11.1867 г. в большой семье (седьмой ребенок из одиннадцати) помещика Тульской губернии Льва Петровича Трухачева. Его отец был незаурядным человеком. Получив в наследство одни долги, он смог создать практически образцовое сельскохозяйственное предприятие, много занимался общественной деятельностью и благотворительностью.

В 1905 г. Лев Петрович построил больницу для крестьян, в которой главным врачом работал один из его сыновей, а в 1910 г. — школу. Судя по всему, здание было добротным, поскольку школа закрылась только в 2010 г. в рамках «оптимизации» образования.

Петр Львович окончил Морское училище, в 1887 г. его произвели в мичманы с назначением в Балтийский флот. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. и обороны Порт-Артура. 13.04.1904 г. был назначен командиром миноносца «Бесстрашный». После боя в Желтом море вместе с миноносцем интернирован в Циндао.

Во время Первой мировой войны, 22.04.1915 г., назначен командующим минной дивизией Балтийского флота. 06.08.1915 г. произведен в контр-адмиралы за боевые отличия. 19.12.1915 г. стал начальником 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. 31.10.1916 г.

произведен в вице-адмиралы за отличие по службе. Скончался во время лечения в Гаграх от прогрессивного малокровия, вызвавшего истощение организма. Тело было перевезено в Петроград.

По неизвестной причине Георгиевское оружие, которым был награжден Петр Львович, хранилось не у его вдовы, а у сестры Евгении Львовны, жившей после революции в Петрограде. Во время одного из обысков, проводимых ЧК, оно было конфисковано, а сестру обвинили в хранении оружия для террористической антиправительственной деятельности. Время было такое...

Ниже приводится глава из малоизвестной в нашей стране книги писателя-мариниста Б. Я. Ильвова «Морская даль», изданной в Шанхае в 1937 г. В ней повествуется о первой попытке прорыва германского флота в Рижский залив.

Алексей Русецкий

Семья Л. П. Трухачева возле усадьбы в Никольском Тульской губернии

(Глава из книги Б. Я. Ильвова «Морская даль»)

На флагманском корабле Балтийского флота крейсере «Рюрик» царит оживление. Вахтенный начальник не отходит от трапа. Караул и фалрепные держатся наготове, и даже сам старший офицер не спускается вниз. Паровой катер стоит на шкентеле у правого выстрела, но прислуга на крейсер не поднимается. Все наготове. Ждут, когда окончится совещание командующего флотом с новым начальником минной дивизии капитаном 1-го ранга Петром Львовичем Трухачевым.

В адмиральском салоне, перед разложенными на столе картами, сидит сам командующий флотом Николай Оттович фон Эссен, а поодаль от него, обняв руками заложенной ноги на ногу коленку, пасмурный и задумчивый Трухачев.

— Я отлично понимаю всю трудность возложенной на вас задачи, — говорит адмирал.

— Еще вчера, на совещании под председательством генерала Куропаткина, я ее обрисовал. Но что делать? Куропаткин является представителем Верховного. Он только высказал и передал его волю. Стремление штаба понятно. Они хотят во что бы то ни стало сохранить все корабли флота для решительного боя на центральной позиции Ревель — Гельсингфорс. Сами понимаете, что в случае прорыва немцев в Финский

залив правый фланг наших армий будет принужден отступить до Нарвы. А ведь это почти катастрофа. С другой стороны, пока неприятель не предпринял форсирования центральной позиции и непосредственной угрозы ей нет, штаб стремится сохранить и Рижский залив, так как в случае его падения правому флангу придется отступить до Ревеля.

— Все это достаточно ясно. Но нельзя же так связывать меня. Ведь тут две друг другу противоречащие задачи. Рижский залив защити, но кораблями рисковать не смей. Где же это видано, чтобы война обходилась без жертв? Либо одно, либо другое.

— Я же вам говорил, насколько трудной считаю выпавшую вам задачу. Потому-то я вас и выбрал на этот пост. Я уверен, что вы справитесь с задачей или во всяком случае сделаете все, что в человеческих силах. Волю Верховного исполнить мы должны. Нашей службы Россия ждет. Уклониться от нее никто из нас не вправе. Да что там говорить! Я же вижу и понимаю, в чем корень ваших сомнений. Вас волнует, что если залив придется сдать без решительного боя, общественное мнение вас обвинит в трусости. Ведь так? Что ж. Может быть... Но в жертву России, если это понадобится, мы не только жизнь, но и доброе имя свое принесем, ведь так?

— Конечно, ваше превосходительство, так. Если

России нужно доброе имя целого ряда честно служивших ей предков моих — пусть берет. Я готов.

Встав со своего места, адмирал медленно подошел к Трухачеву и долго молча жал его руку.

— Караул и музыканты наверх! Четверо фалрепных на правую! — раздалась команда вахтенного начальника, лишь только Трухачев вышел на палубу.

Проводить нового начальника минной дивизии вышел и адмирал. Под звуки марша Трухачев отвалил от трапа и направился к ожидавшему его миноносцу. Команда и офицеры стояли во фронт, а командир встречал его у трапа. Лишь только он вступил на палубу, на фок-мачте взвился плавучий брейд-вымпел. Миноносец дал ход и, обходя стоявшие на рейде корабли, пошел к выходу.

Долго еще, пощипывая свою бородку, стоял адмирал на юте крейсера и задумчиво смотрел вслед удалявшемуся миноносцу.

Стоял теплый май 1915 г. Почти вся дивизия была сосредоточена в Аренсбурге (сейчас Куресааре. — Прим. ред.), высылая лишь дозоры к Ирбенскому проливу для наблюдения за поставленными в нем минами. На флагманском миноносце «Сибирский Стрелок» ждут к обеду начальника одного из дивизионов, капитана 1-го ранга К. Пока вестовые накрывают на стол, флаг-офицер торопливо докладывает Трухачеву дела.

— Кого прикажете, Петр Львович, к Виндаве (ныне Вентспилс. — Прим. ред.) послать?

— Это по телеграмме штаба?

— Так точно.

— Вторую группу 6-го дивизиона. Они только что уголь приняли, да и в дозоре давно не бывали. Пригласите ко мне часикам к восьми командира «Казанца».

— Есть. И инструкцию для него прикажете заготовить?

— Какую там инструкцию! В общих словах задачу объясню. Не глупей меня. Сам сообразит детали.

— Вашескорodie, начальник Н-аго дивизиона на вельботе идут, — появляясь в дверях каюты, доложил вахтенный.

— Вот и отлично. Идемте встречать.

Поднявшись по трапу, К. официально явился Трухачеву, но тот взял его под руку и повел к люку.

— Идемте пока ко мне, а потом пообедаем. Что у вас новенького?

— Ничего. Все, слава Богу, хорошо.

— Вот прочтите-ка, — уже в каюте Трухачев подал К. телеграмму. — Опять штаб запрашивает, чем он может нам помочь.

— Что же вы ответили?

— Мины, мины и мины. Вы знаете, как Наполеон

говорил, что для ведения войны нужны, во-первых — деньги, во-вторых — деньги и в-третьих — деньги. Так и я говорю, что для обороны залива, во-первых — мины, во-вторых — мины и в-третьих — мины.

— И что же, обещали прислать?

— Обещать-то обещали. Только когда? Смешно сказать! Пролив защищают четыре ряда минных заграждений. Да и то, что это за заграждения? Две линии с промежулками в 150 футов и две в 300. Разве это заграждения? До сих пор мин добиться не могу! Ведь если немцы начнут тралить, в полчаса протралят фарватер.

Во время обеда в кают-компании разговор вертелся вокруг вопроса об отражении немцев.

— Ведь у них, несомненно, план прорыва точно разработан, — докторальным тоном говорил флаг-офицер. — Задача обороняющегося — угадать план противника и принять контрмеры. Тактика нас учит...

— Ерунда ваша тактика, — пробасил мрачный Трухачев. — Тактика — это здравый смысл. Надо, чтобы начальник хорошую голову на плечах носил, тогда никакой тактики ему не надо.

— Как же без тактики? Вот, например, в нашем случае. Разве не было бы разумно перед приходом немцев выслать через Соэлозунд (Соэла — пролив между о-вами Моонзундского архипелага Сааремаа и Хийумаа. — Прим. ред.)...

— Это вы мне Аустерлицкое сражение хотите разыграть? Ди эрсте колоне марширен. К черту! К дьяволу! Налейте-ка лучше водки.

По окончании обеда Трухачев увел К. к себе в каюту, — Вы не поверите, как много у меня советников и указчиков. И молодежь туда же свой нос сует. Ну, да молодод-глупо. А вот старики. Начальники. Эй! Кривчин! Достань-ка коньяку, — перебил он сам себя, приоткрывая дверь.

— Да. Так вот видите ли, как много стратегов и тактиков залив защищают и меня учат, а вот сменить меня на моем посту никто не хочет.

— Да кого же назначить? — пожал плечами К.

— Как кого? А Максимова! Начальника минной обороны! К тому же он и вице-адмирал.

— Этого мальчика-то?

— А почему бы и нет?

— Ну, этот уж вовсе не годится.

— А если не годится, так чего же он ко мне со своими оперативными планами суется?

— Разве он суется?

— А вы помните, с неделю тому назад сюда явился. Так это от него. Целый план, да еще глупейший, мне прислал. У меня нет мин, чтобы Ирбенский пролив заградить, а он мне рекомендует тысячу мин внутри залива отдельными банками расставить. Это значит, от обороны залива отказаться. Рассчитывать, видите ли, на то, что, прорвавшись, немцы на эти банки напорются и несколько своих кораблей подорвут.

— А что же Л. говорит?

— Да что Л. Мне его от души жаль. Он очень не глупый

и хороший офицер. Но он-то что же! Творит волю пославшего.

Вошедший Кривчин расставил на столе рюмки, бутылку коньяку и чашечки с дымящимся кофе.

— Я перед ним, перед Л., виноват, — присаживаясь к столу, продолжал задумчиво Трухачев.

— Это чем же?

— Да уж очень я обозлился на Максимова и ничего ему не ответил. А он сдуру мне телеграмму прислал: «Приступлено ли к выполнению моего оперативного номера такого-то». Ну, я ему и ответил: «Дурака вашего видели и выгнали вон».

— Ого!

— Я и сам говорю: ого. Откровенно говоря, надеялся, что обидится и настоит на моей смене. Я же не шутки здесь шучу. Да куда там. Замолчал.

— Ну, этого он вам не забудет.

— А черт с ним. Мне все равно, лишь бы защитить от немцев залив.

— А что они не шевелятся? Не готовят сюрприза?

— Нет, Адриан Иванович ничего не сообщает.

— Ну, так ведь и он может не знать.

— Что вы! Что вы! Пока начальником службы связи Непенин, мы можем быть совершенно спокойны. У него все нити в руках. Нет, что вы. Он немедленно сообщил бы мне, если бы что-нибудь подобное бы было. Он бы...

Но закончить фразу ему не пришлось. Загудели сигнальные звонки, на палубе затопали десятки ног. Тревога.

— Что там такое? — поднялся Трухачев.

Но в этот момент дверь в каюту претворилась.

— Так что «Цепелин» летит, вашескорodie, — взволнованным голосом доложил вахтенный.

— Опять? Ну, делать нечего. Надо сниматься с якорей.

К. немедленно отправился на свой миноносец, а Трухачев поднялся на мостик.

Стоявшие у маяка Церель (сейчас Сырве. — Прим. ред.) два дивизиона миноносцев торопливо снимались с якорей. Постукивая и позвякивая, вползали в клюзы якорные канаты. Струи воды смывали с них ил. Раздавались обычные, с крепкими выражениями, команды.

— Как канат смотрит? — неслось с одного миноносца.

— Панер, — раздавалось с другого.

— Шары на стоп!

— Встал якорь!

Между тем на пылавшем закате западе ясно обозначился контур воздушного корабля. Казалось, прямо на миноносцы плыл он по воздушному океану. Выгнувшись в кильватерную колонну, миноносцы уходили на восток.

Дирижабль «Цепелин» германских ВМС

— Ишь, стервец! Прямо на нас дует, — поглядывая в бинокль, говорил Трухачев командиру. — Прикажи-те-ка эволюционные сигналы иметь наготове. Сейчас маневрировать начнем.

Медленно ворочаясь своим китообразным туловищем, «Цепелин» настигал концевые миноносцы. Лишь только он с ними поравнялся, на «Сибирском Стрелке» взвился сигнальный флажок. Все миноносцы подняли такие же. Минута... флажок спустили, и, круто повернув на девяносто градусов вправо, миноносцы строем фронта понеслись на юг. В этот момент от «Цепелина» как бы отделились черные точки и стремглав полетели вниз. Достигнув воды, они вдруг превратились в мгновенно растущие водяные деревья. Все выше и выше поднимаются их стволы, и все шире разрастаются их черные от дыма кроны. «Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!» — доносятся взрывы. Продолжая преследование, «Цепелин» неуклюже, поворачивает на юг.

— А ну-ка поднимите сигнал «повернуть всем вдруг на шестнадцать румбов вправо», — разгуливая по мостику, говорит Трухачев. — Да передайте по линии, чтобы из пулеметов его окатить при приближении.

На ноках рей взвиваются новые флажки, но миноносцы продолжают идти тем же курсом. «Цепелин» все ближе. «Та-та-та-та», — затарахтел первый пулемет. «Та-та-та-та», — откликнулись остальные. «Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!» — падают бомбы.

— Долой сигнал! — приказывает Трухачев.

Флажки спущены. Описав полукруги, миноносцы круто поворачивают на север. Проскочив над их линией, «Цепелин» опять поворачивает за ними. Еще две или три неудачные атаки, и, по-видимому, потеряв надежду, он направляется на северо-восток.

— А ведь это он в Моонзунд полетел, «Славу» собирается атаковать, — говорит озабоченный Трухачев. — Дайте-ка ей радио, чтобы приготовилась.

Проводив непрошеного гостя, миноносцы возвращаются на отдых, к Церелю. Впрочем, отдых их непродолжителен. Ночью один дивизион идет в разведку, другой к Ирбенской позиции, а остальные, вместе со сменявшимися с дежурства у минных заграждений, завтра,

Крейсер «Рюрик» под флагом адмирала Эссена, 1912 г.

несомненно, снова будут отражать атаки «Цепелина» или аэропланов.

Весь июнь и половину июля почти изо дня в день повторялось одно и то же. Либо налет «Цепелина», либо, угрожая прорывом, неприятельские корабли дымили на горизонте, либо миноносцы посылались к южному берегу залива для поддержки наших сухопутных частей у мыса Месорагоцена (теперь Мерсрагс. — Прим. ред.). Случалось, и нередко, что эскадрильи неприятельских аэропланов налетали и сбрасывали массу бомб. Так продолжалось до 20 июля, когда на имя Трухачева была получена от Непенина шифрованная телеграмма: «В портах Балтийского моря немцы готовят какую-то экспедицию. По-видимому, для форсирования Ирбенского пролива».

Не желая обнаруживать нашу контрразведку, Трухачев не показал вида, что ему известно намерение немцев. Он не поднял тревоги и не вызвал всех сил Рижского залива к месту ожидаемого боя. Отдельные корабли и дивизионы были оставлены там, где они находились до тех пор. «Слава» в Куйвасто, канонерские лодки в Арэнсбурге, часть миноносцев в Рогекюле, а часть, во главе с самим Трухачевым, у Цереля. Единственную меру, которую он принял, это приказал всем пополнить запасы топлива и быть в полной готовности.

Двадцать третьего числа новая телеграмма Непенина известила о составе немецкого экспедиционного отряда и о том, что он уже вышел по назначению. Оберегая, по-прежнему, тайну нашей разведки, Трухачев и тут сохранил спокойствие и остался стоять у Цереля.

В 04:30 26 июля от начальника второй группы шестого дивизиона, которая находилась в дозоре у минных заграждений, было получено первое радио: «Вижу дымы на вост», а через 20 минут второе: «Вижу неприятеля — курс ост».

Сомнений не было. Немцы идут в залив.

Снявшись с якоря с полудивизионом особого назначения, Трухачев полным ходом помчался к проливу.

Было шесть часов чудного июльского северного утра. Ни малейшего ветерка. Море — как зеркало. Видимость прекрасная. Приподнятые и искаженные рефракцией, неприятельские корабли были превосходно видны. Тральщики, крейсера, два линейных корабля типа «Дойчланд», а позади них лес мачт и облака черного дыма. Видя, что тральщики уже начали свою работу, Трухачев пошел на сближение, одновременно приказав вызвать по радио все силы Рижского залива на позицию.

— Сто кабельтовых! — докладывает дальномерщик. — Девяносто!.. Восемьдесят!..

Пушки заряжены и следят за неприятелем, но открывать огонь еще нельзя, так как дальность их всего 62 кабельтова. Расстояние все уменьшается. Вот пристрелочный миноносец «Генерал Кондратенко» дает первый

залп из трех своих 100-миллиметровых пушек, а через десять секунд — второй. Бинокли на мостиках всех миноносцев так и впились в тральщики. Несколько секунд напряженного ожидания — и видны всплески упавших снарядов. Залпы удачны. Снаряды упали в самой середине тралящего каравана.

Продолжая сближаться, полудивизион открывает беглый огонь. Тральщики задымили, заметались и нарушили свой строй. Волнуются. В это время «Дойчланды» окутаны громадными клубами желтого дыма. Проходит секунд сорок — и «Сибирский Стрелок» сотрясается от взрывов упавших рядом с его мостиком 11-дюймовых снарядов. Падения были так близки, что столбы воды от их всплесков обрушиваются на мостик и окатывают всех с головы до ног. В тот же момент новые клубы желтого дыма свидетельствуют о новом залпе. Но Трухачев не дремлет. Быстрым маневром поворачивает он свои миноносцы на восемь румбов вправо и, пока снаряды летят, не прекращая огня, миноносцы, приняв строй фронта, уже несутся на север. И вовремя. Залп падает в кильватерную струю сейчас же за их кормами. Этот импровизированный тактически маневр дает идею. Продолжая стрельбу, миноносцы следят за «Дойчландами», и, едва заметив новые клубы желтого дыма, все вдруг ворочают то вправо, то влево. Такое маневрирование, на полных ходах, да еще под огнем неприятеля, требует исключительного внимания и обученности личного состава. Но Трухачев уверен в своих командирах и полностью использует это свое преимущество. Стоя на мостике, он следит за боем, руководит маневрированием, но не вмешивается в распоряжения начальника полудивизиона, каковым является командир «Сибирского Стрелка». Он дает лишь общие директивы.

Между прочим, это одно из самых необходимых качеств, которым должен обладать морской начальник и достичь которого не так-то легко. Обычно так трудно бывает удержаться от принятия участия в управлении кораблем, на мостике которого стоишь и где все тебе повинуются. Сухопутные начальники этой трудности не знают, так как они руководят боем издали, так что, если бы даже и захотели вмешаться в управление тем или другим полком или ротой, то просто не смогли бы.

Расстояние до тральщиков все уменьшается. Видно, как они торопливо убирают тралы и поворачивают к своим главным силам.

Ура! Первая фаза боя выиграна, и миноносцы отходят на восток.

Пока длился бой, телеграфист «Сибирского Стрелка» безостановочно телеграфировал, созывая все силы Рижского залива, но сделать это было нелегко. Заслышав его призывы, немцы устроили радиопомехи, но все же к восьми часам утра «Слава» услышала и дала квитанцию.

Миноносец «Сибирский Стрелок»

Между тем, оправившись, под прикрытием своих броненосцев тральщики снова выходят на работу. Выходят и миноносцы. Начинается точно такая же игра, но только на этот раз немецкие корабли почти вдвое участили свои залпы, так что переходить на беглый огонь стало невозможным. Тем не менее, ворочая то вправо, то влево, миноносцы неуклонно сближаются с караваном. На нем замешательство. Еще несколько минут — и караван снова прекращает работу и отступает к главным силам.

В третий раз выходят тральщики на работу, и в третий раз стремительным натиском встречают их миноносцы. На этот раз положение изменилось. В непосредственной близости, позади каравана, появляется крейсер. Своей скорострельной артиллерией он засыпает миноносцы и принуждает их отойти на восток, что позволяет тральщикам спокойно готовиться к работе.

Казалось, дело окончательно проиграно, но в это время на востоке показываются клубы черного дыма. Все с облегчением вздыхают.

Несомненно, это «Слава». Сейчас она своей 12-дюймовой артиллерией наведет порядки. Но вдруг из-за клубов дыма показываются не две, а четыре трубы. Это не «Слава». Это спешат на подмогу две старые канонерские лодки. Впереди «Грозный» под командой капитана 2-го ранга Постриганева, а позади «Храбрый» под командой капитана 2-го ранга Щербачева. Обе лодки построены в 80-х гг. прошлого столетия. Дважды, за негодностью, сдавались они к порту, но во время войны их отремонтировали, перевооружили и пустили в дело. Широкие мостики без намека на броневую рубку. Днища проржавлены

чуть ли не насквозь, и никакой брони. Достаточно одному 11-дюймовому снаряду не то что в лодку попасть, но хоть близко от нее разорваться, и делу конец. Тем не менее обе спешат на выручку миноносцев и несутся самым полным, как говорят, парадным ходом, увы, всего двенадцать узлов. Широкие носы с шумом рассекают воду, образуя огромные белые буруны. Держат под корму «Сибирского Стрелка». По семафору Трухачев приказывает им отогнать тральщиков. Не уменьшая хода, лодки поворачивают на неприятеля. Ввиду того, что их артиллерия несколько дальнобойнее, чем на миноносцах, 72 кабельтова, они с более дальней дистанции открывают огонь. Несколько залпов — и колонны тральщиков расстроены.

Тральщики разворачиваются, тралы лопаются, видны пожары. На помощь тральщикам спешит крейсер, но лишь только он входит в зону обстрела канонерок, как получает несколько 6-дюймовых снарядов. На нем вспыхивает пожар, и он круто поворачивает к главным силам. Канонерки продолжают атаку. Теперь по ним открыли огонь и «Дойчланды». Море кипит вокруг них. Огромные всплески воды 11-дюймовых снарядов и дым от разрывов временами почти скрывают утлые суда. С затаенным дыханием следят за ними с миноносцев. Каждую секунду можно ожидать попадания хотя бы одного снаряда, и, следовательно, немедленную их гибель. Но лодки не склонны поворачивать. Не обращая внимания на грохот разрывов, на то, что корабли окутаны водяной пылью, огнем, дымом разрывов, они, не прекращая огня, продолжают преследование. Еще несколько минут — и гибель их станет неизбежной.

*П. Л. Трухачев в парадном мундире
капитана 1-го ранга, 1910 г.*

- Куда они прут? — бесится Трухачев.
- Поднимите им «Ц» («Вернуться из погони»).

Но лодки сигнала не видят. В шестикратные бинокли, наведенные на них со всех судов, временами видно, как на мостиках, слегка расставив ноги и не отрываясь от биноклей, офицеры наблюдают за падениями своих снарядов и корректируют стрельбу, а у орудий матросы, словно на учении, подают снаряды, наводят и стреляют.

Трухачев вне себя от злости.

— Черт их дери, я послал их отогнать тральщиков, а они с линейными кораблями в бой вступили. Поднимите «Ч» (что значит «не следовать движению адмирала»).

Оставив миноносцы вне обстрела, «Сибирский Стрелок» полным ходом летит к канонерским лодкам. Подойдя почти к борту «Грозящего», чтобы обратить на себя внимание, он принужден дать сирену. Только тогда командиры лодок оторвались от своего дела и заметили сигнал. Несколько «ласковых» слов громового голоса Трухачева в мегафон — и лодки, повернув за «Сибирским Стрелком», выходят из боя.

— Ступайте в Аренсбург, — кричит Трухачев, выйдя из зоны обстрела. — Ступайте в Аренсбург и не смейте приближаться к линии боя, — бесится он на мостике «Стрелка».

Немцы бездействуют. В их рядах заметен беспорядок. Это дает миноносцам время подготовиться к новой атаке. Вдруг на востоке снова появляется дым. На этот раз это «Слава». Но не успела она подойти на дальность своей артиллерии, как вокруг в нее уже летит первый залп немецких линейных кораблей. Круто повернув, она выходит из-под обстрела и, сделав себе искусственный крен, снова вступает в бой. За это время оправившиеся немцы снова начали тралить, но первые же залпы со «Славы»

ложатся посреди каравана, и один из тральщиков идет ко дну. То выходя из-под обстрела, то входя вновь, «Слава» продолжает огонь по каравану, сама подвергаясь жестокому обстрелу линейных кораблей. Но добросить до них свои снаряды она явно не может. Положение делается все рискованнее.

Видя все это, а также и то, что минное заграждение уже протралено, Трухачев подходит к «Славе» и, так же, как перед этим «Грозящего» и «Храброго», выводит ее из боя. Так как немцы и сильнее, и быстроходнее наших кораблей, то как только они убедятся, что минное заграждение протралено, положение защитников станет безнадежным. Трухачев решает отступить на Аренсбург.

У заграждения для наблюдения за действиями неприятеля остается быстроходный миноносец «Новик», а посреди залива располагаются восемь подводных лодок.

Около четырех часов дня суда стали на якоря в Аренсбурге. Немедленно к Трухачеву явился командир «Славы», капитан 1-го ранга князь Вяземский, и горько, по-товарищески, упрекал его за то, что тот вывел его из боя.

— Ведь «Слава» хорошо забронирована, — говорил он. — Ей естественно быть под огнем и получать снаряды. Зачем ты мне не дал довести дело до решительного боя?

В пять часов Трухачев посылает запрос на «Новик»:

— Что делает неприятель?

— Неприятель, по-видимому, отходит. И еще через несколько минут:

— Неприятель отходит на зюйд-вест и скрывается за горизонтом.

Весь отряд снимается с якорей и идет к Церелю. Здесь «Сибирский Стрелок» становится на связанную телефонном с берегом бочку и немедленно получает шифрованную телефонограмму: «Вследствие вашей мужественной обороны неприятель отказывается от операции и возвращается в свои порты. Поздравляю с успехом. Непенин».

Впоследствии по агентурным сведениям стало известно, что немцы потому отказались от операции, что потеряли слишком много времени на траление, пожгли много угля и потеряли несколько тральщиков. Кроме того, конечно, их наблюдательные посты, расположенные на южном побережье залива, не могли не донести им, что в заливе их ожидают подводные лодки. Да с приближением ночи и наши миноносцы становились им крайне опасными. Так или иначе, но атака сильнейшего неприятеля была отражена, а наш флот не потерял ни одного корабля.

По точному смыслу статута Георгиевская Дума Балтийского моря присудила Трухачеву орден Св. Георгия, а Государь Император не только удостоил его этого ордена, но еще и произвел в чин контр-адмирала.

